

I. Мистический опыт для Гарри Ханта.

Конференция проходила в Москве с 28 по 31 мая 2009. Главным зарубежным гостем был Гарри Хант – автор многочисленных статей по когнитивной психологии, измененным состояниям сознания, мистическому опыту, психологии Юнга. В сферу его интересов попадают психоаналитические теории, в которых он неплохо разбирается; философия Хайдеггера и Витгенштейна; трансперсональные теории. Также Хант многие годы практикует тибетский буддизм. Возможно благодаря своим разносторонним интересам, Гарри Хант часто выступает в амплу «соединителя» и «примирителя» различных точек зрения на природу и динамику психического опыта. Станислав Раевский (президент МААП) назвал его «исцелителем расщепления между школами психологии». Для выполнения такой работы нужна отправная точка, опираясь на которую можно пробовать соединять конфликтующие между собой модели. К моему сожалению, эта точка расположена не в ландшафте аналитической психологии, хотя в своих лекциях Гарри Хант неоднократно обращался к юнгианским идеям, и звучало много знакомых нам имен. В течение первой лекции («Юнговская концепция коллективного бессознательного») меня терзало смутное раздражение – временами я откровенно не понимал, о чем идет речь, хотя все слова были знакомы. Прямо как в анекдоте про «Поле чудес»: назвал все буквы – не угадал слово! Дело в том, что «отправная точка» Гарри Ханта лежит скорее в области когнитивной психологии (в позиции наблюдателя и экспериментатора) и сверхзадача заключается в таком изменении (переформулировании) юнговской модели, чтобы она стала ближе и понятней академической (mainstream) психологии. В результате такого «сближения» привычные акценты оказались смещены^[1]. Лично мне далеко не сразу удалось привыкнуть к изменению ракурса. И чтобы это вообще оказалось возможным, пришлось перестать считать Гарри Ханта юнгианцем. Тогда моему пониманию стали доступны его действительно интересные идеи. Я не смогу дать подробный обзор взглядов Ханта в рамках этого отзыва, но остановлюсь лишь на наиболее заинтересовавших меня моментах.

Гарри Хант на протяжении многих лет практикует тибетский буддизм и возможно, поэтому создается впечатление, что основным предметом его психологического интереса является «мистический опыт». Как действительно существующий феномен, нуждающийся в научном объяснении, которое помогло бы встроить его в целостную картину мира. Для себя я выделил три основных аспекта объяснительной модели Гарри Ханта относительно «мистического опыта».

О синестезии.

Это самый «модный» термин конференции – было потрачено немало времени и сил на его сопоставление с более привычными конструктами. Определение из словаря: «Синестезия (syn – с, совместно, aisthesis – чувство, ощущение). Возникновение ощущений в органе чувств при раздражении другого анализатора. Качество ощущений одного вида переносятся на другой. Например, т.н. «цветовой слух»^[2].

Попытки описать мистический опыт, как правило, являются живым примером синестезии: «Я почувствовал облако, туман, боль... жарче, чем тепло, ярче, чем электричество, как будто меня погрузили в жидкость более тонкую, чем эфир. А потом я растворился в бесконечности». Это пример Ханта, который он привел на лекции, и в нем можно заметить пересечение и смешение разных модальностей (визуальной, аудиальной, кинестетической). Относительно происхождения синестезии есть две противоположных точки зрения. Первая рассматривает ее как ранний, архаический вариант восприятия, когда модальности еще недостаточно дифференцированы, поэтому энергия легко переходит из одной формы в другую. Вторая точка зрения (ее и придерживается Гарри Хант) рассматривает синестезию как достижение в процессе психического развития. В качестве примера он приводит установленный факт, что дети до 11 лет не используют синестезические конструкты в речи и, например, им трудно или даже невозможно понять смысл такого выражения как «теплый человек». То есть физические термины не употребляются детьми как характеристика психологии Другого^[3]. То же относится и к использованию пространственных терминов – например, «человек широкой души».

Взрослые же напротив делают это в ежедневном общении, не задумываясь. Феномен синестезии лежит в основе метафорического мышления. Мы можем воспринимать и выражать переживание не только на уровне чувств и телесных ощущений, но и в звуках, в пространственных и физических образах. Хант рассматривает художественное творчество как спонтанную синестезию. Яркий пример – абстрактная живопись, которая, несмотря на свое «странное содержание», продолжает сохранять связь с живыми психическими процессами. В противном случае, она не вызвала бы у нас никакого интереса. Это кстати относится и к мандалам – по сути, абстрактным геометрическим изображениям, которые, при взаимодействии с сознанием способны, тем не менее, привносить вполне ощутимые физические изменения. Любой абстрактный теоретический конструкт также можно рассматривать как результат синестезии^[4].

Синестезия в аспекте выражения психического опыта в пространственной и физической метафорах упорядочена некими «преконструктами» – т.н. «структурами базового уровня» и «образными схемами»^[5]. В первую входят следующие свойства: «длинный-короткий», «твердый-мягкий», «тяжелый-легкий», «холодный-горячий». Узнаваемо? Когда мы работаем с психосоматическим симптомом, мы, как правило, включаем эти категории в структуру вспомогательных (наводящих) вопросов. «Образные схемы» – это абстрактные формы, обнаруживающиеся в пространственном и телесном опыте. Сюда входят: «вместилище», «путь», «источник-цель», «пределы», «равновесие», «сила», «слияние-разделение». А также телесные ориентации: «вверх-вниз», «спереди-сзади», «близко-далеко», «часть-целое», «центр-периферия», «полный-пустой», «глубина». И это знакомо: используем ли мы «моторную метафору» для прояснения «спонтанного жеста» или же пытаемся прояснить смутное переживание, мы, так или иначе, обращаемся к этим «преконструктам». В сущности это формы, которые может принимать психическая энергия.

О коллективном бессознательном (объективной психике).

Для Гарри Ханта коллективное бессознательное – это не прошлое, не предки, не история – это «кросскультурное самоотносящееся воображение», субъектом которого является «родоплеменная психика». За этим термином, если я верно формулирую, скрывается некая глобальная сущность, представляющая собой всю полноту связей, как между человеческими существами, так и природным миром (окружением). Эта сущность является самоорганизующейся системой, пребывающей в постоянном движении (Хант использует термин «поток»). Можно сказать, что отдельный индивид движется в этом общем потоке, являясь его неотъемлемой частью. Собственно, говорить о какой-либо отдельности в данном случае уже не следует. Психика человека в каждый момент времени бессознательно и неразрывно связана как с другими психиками, так и с природным ландшафтом. Для так называемых «(примитивных) родоплеменных сообществ» это неоспоримый ежедневно проживаемый факт. Взрослый член такого сообщества, согласно Ханту, воспринимает мир как значимое совпадение (постоянный «тренинг» синестезии). Как если бы он бросал монеты И-ЦЗИН каждое мгновение. А вот современному постъхристианскому человеку, с его изолированным сознанием и разделением микро- и макрокосма, от всей описанной выше полноты остаются лишь фрагменты паранормального опыта^[6]. Для «узаконивания» которого нужно вводить специальную терминологию (синхрония).

Для Гарри Ханта коллективное бессознательное – это отброшенный современным миром уклад, способ восприятия и саморегуляция родоплеменного сообщества. Этот уклад построен на упорядоченных синестезиях, когда внутреннее событие (например, настроение) соотносено с конкретным временем суток, цветом неба, деревом, животным, частью тела и т.д. Такая структура названа Леви-Строссом «решеткой»^[7]. Имеет место единство или родство между внутренним и внешним. Хант говорит, что такая развитая метафоричность позволяет чувствовать себя как дома в любом окружении (месте). «Примитивное» сознание живет в «решетке», которая пронизывает все, в том числе и социальные, отношения. Мир и человек пребывают в постоянном диалоге, когда, например, пролетающая слева направо птица оказывается однозначным ответом на внутренний вопрос^[8]. Для современного человека от полноценной «решетки» остались только приметы типа «черной кошки», он чувствует себя отдельным, одиноким в недружелюбном и чужом мире.

О теле.

Тело занимает в построениях Ханта одно из основных мест, поскольку любой, даже самый абстрактный конструкт или трудно распознаваемый психический опыт может быть редуцирован к микро- и макротелесным процессам (см. «преконструкты»). Например, сложная синестезия графического типа – мандала может рассматриваться как измененное кроссмодальной трансляцией человеческое тело^[9].

Гарри Хант не говорит о Самости в юнгианском смысле, но, тем не менее, самоуправляемая целостность присутствует в его построениях в двух ипостасях. О первой мы уже говорили выше – это «самоотносящееся воображение» - построенная на синестезиях самоорганизующаяся система родоплеменного восприятия. Вторая ипостась – это тело, которое также является самоорганизующейся системой и воспринимается сознанием как нечто завершенное. Собственно, тело – это единственный доступный нам на повседневном уровне образ целого. У Ханта и его группы есть серия любопытных экспериментов, на основе которых делается вывод о связи между доступностью мистического опыта и способностью сохранять физическое равновесие и ориентироваться в пространстве. Чем лучше развита эта способность, тем более человек способен к спонтанному мистическому опыту. Навык сохранения равновесия подразумевает устойчивость контакта с образом тела (развитый, освоенный образ тела). Другими словами, контакт с телесной целостностью делает мистический опыт доступным для сознания. Лишь целое способно принять целое.

О мистическом опыте^[10].

Интересный вопрос: как соотносятся друг с другом эти ипостаси целого? Для члена родоплеменной общины этот вопрос не стоял, поскольку не было разделения (секуляризации) целого на макро- и микромиры. Для современного человека эти миры отдельны друг от друга и лишь частично доступны сознанию. Цельность самоотносящегося (архетипического) воображения, упорядоченного позабытыми «решетками», пребывает в бессознательном, а его фрагментарная актуализация воспринимается секуляризованным сознанием как психотическая угроза. Мы готовы любить природу, пока она не тревожит нас наводнениями и торнадо и пока она не проявляет себя аналогичным образом в нашем сознании. Цельность же образа тела зависит от сбалансированности культуры телесности, которая также совсем не на высоте. Для большинства тело лишено «одушевленности» и остается «организмом» - машиной, состоящей из разных частей – органов, которые время от времени нуждаются в починке, но не целым (вслед за Гарри Хантом, мы будем думать о таком человеке, как о лишенном развитого чувства равновесия). Вероятно такое рассогласование в микромире (образе тела) отражает состояние макромира – отчужденность сознания от самоотносящегося воображения (вытесненной родоплеменной структуры).

Возможно, спонтанный мистический опыт – это попытка психики устранить это разделение. Синестезии, которыми он изобилует (см. пример в первом пункте), лишены явного практического смысла – там нет логически постижимого откровения, но, может быть, именно так для современного сознания выглядят восстанавливаемые связи между микро и макромирами. Одна цельность отражается в другой посредством зеркала нашего сознания.

С другой точки зрения, мистический опыт можно рассматривать как обратный процесс раннему материнскому отзеркаливанию^[11]. Младенец узнает и принимает аффективный опыт посредством матери (ее взгляда и лица), которые зеркалят и контейнируют все физические движения и ощущения ребенка. В результате этого они становятся уже его собственным психическим и соматическим опытом (интернализация). Теперь, когда этот ребенок вырос и стал взрослым, объективная психика (отвергнутые «решетки» родоплеменного сообщества) требует от него по отношению к себе аналогичной «услуги», желая отзеркалиться в его сознании. Подобно достаточно хорошей матери наш взрослый (зрелый?) современник должен контейнировать кажущийся синестезический хаос мистического опыта, воспринимая его в телесном опыте и воображении и обнаруживая в нем или придавая ему (здравый) смысл^[12]. Возможно, эта работа (контейнирование) должна завершаться появлением чего-то вроде «решетки» Леви-Стросса, когда мистический опыт становится естественным упорядочивающим фактором, как во внутреннем, так и во внешнем пространстве, делая границу между ними условной. Можно предположить, что современные мистические опыты это возможность восстановления родоплеменной структуры с ее развитой культурой синестезии в мире постхристианского сознания. Это было бы «мечтовым» вариантом – сочетанием

потокowego (саморегулируемого) восприятия с деятельным (героическим) сознанием. Кем или чем оказался бы человек, способный осуществить этот невероятный синтез?

II. Мистический опыт для скептиков и страждущих.

Лекции Гарри Ханта были весьма непросты для восприятия и вызвали временную (?) ментальную контузию у желающих честно разобраться с материалом. На этом фоне доклад-воркшоп Льва Хегая («Мистика в анализе») была настоящим глотком свежего воздуха. Было очень много игры в хорошем смысле этого слова и действительно глубоких идей. Я не возьму на себя труд систематического изложения этого доклада и остановлюсь на нескольких интересных для меня моментах.

Прежде всего, следует отметить его выраженную «мультимедийность» - по-моему, это здорово, когда содержание сообщения, сопровождается (дополняется) уместным видеорядом. Во всяком случае, в рамках данного доклада это было именно так.

Хегай предложил схему «эволюции» образа человека через призму господствующей культурной установки.

1. *Человек эпохи средневековья.* Образы человеческого тела искажены, перспектива нарушена (иконическая живопись). Таким образом выражается культурная установка эпохи, поддерживающая коллективную идею о несовершенстве человека в сравнении с Богом.
2. *Человек эпохи возрождения.* Тело оказывается предметом интереса сознания, что подразумевает уже случившееся разделение на ум и тело; на субъект и объект. Образы человеческого тела близки к реальным и, вместе с тем, несут в себе свет совершенства. В мир приходит идея ценности человека как такового. Человек, согласный с этой идеей – активен, решителен, предприимчив. Он «главный агент капитализма».
3. *Человек «эпохи» модернизма (20-е).* На примере картины Пикассо «Авиньонская девица», Хегай показывает как культурный дискурс ренессанса порождает гипертрофированный образ «чужого». Тройная чуждость «девицы» - она женщина (чужая мужскому миру); она – проститутка (чужак - социальный изгой); наконец, она – обладательница африканской наружности (представительница чужого племени). Технологическая революция (наследие ренессанса), которой мы обязаны современному материальному благополучию, сопровождается параноидальным дискурсом, благодаря которому образ «Чужого» направляет наше восприятие и организует мышление. «Борьба за мир», «Исцеление как битва с чужими (микробами)» и прочее. Больше нет целого образа тела эпохи возрождения («расчеловеченный человек»).
4. *Человек «эпохи» постмодернизма.* (XXI век) Теперь, тело – это текст, функция, культурный код, который мы не можем понять на чувственном уровне – «телесный человек» окончательно утрачен. Аналогия с рекламой: 30 лет назад на нее тратилось 7% от стоимости товара, сейчас – 80%. Это значит, что мы покупаем не реальный продукт, а лишь сопровождающий его текст. Он, как и тело является «симулякром» (Бодриар), кодом, отчужденным от реальности чувственного опыта.

В свете вышеизложенного мистический опыт в современном мире это тоже симулякр. Он – товар, технология, предмет научного изучения, отчужденный от непосредственного опыта с помощью рациональных конструкций и культурной профанации (канал TV-3, «Настоящий мистический»). Встает закономерный вопрос, а может ли при таком подходе к мистическому опыту сохраниться присутствие в нем трансцендентного? В качестве ответа на него, Лев Хегай предложил упражнение, в котором нам было нужно механически воспроизвести типовые признаки мистического опыта и, тем самым, спровоцировать его активизацию. Например, феномен «яркого света» можно было воспроизвести путем аккуратного надавливания на глазные яблоки. Физиологически обусловленный зрительный след от этого надавливания был вполне «светоносным». Затем было предложено, при закрытых глазах, протянуть «просящую руку», ибо какой же мистический опыт без трансцендентного «вознаграждения»? Хегай-теург ходил по рядам и оставлял в протянутой руке несомненные следы божественного присутствия. Это были самые дурацкие конфеты моего детства – «Мечта» (мы их называли «шайбами» и играли ими в настольный хоккей). Хегай где-то раздобыл их целый мешок – не думаю, что в стране осталась хоть одна кондитерская фабрика, которая решила продолжить их выпуск. Вот это и есть настоящая мистика! Этим собственно упражнением и закончилось. На вопрос о дальнейшей участи «шайб», Хегай предложил поместить их на персональный алтарь.

Все это может быть и выглядит забавно, но лично меня довольно быстро затрясло от ужаса. Все остальные, пока длилось упражнение, были не в лучшем состоянии – нервный смех, дрожащие руки и прочее. Такой вот страх даже не перед мистическим переживанием, а перед его «симулякром». В самом деле, стоит поразмыслить об этом. Чуть позже мне пришла в голову мысль о том, как можно было бы еще приблизить этот «мистический опыт» к подлинному. Возможно, сначала следовало раздать конфетки, а потом их аккуратно изъять. Тогда остался бы только исчезающий след трансперсонального присутствия, требующий для подтверждения не рационального знания, но веры...

Другим упражнением было что-то вроде «реконструированного воспоминания». Лев Хегай предложил «встроить» ангела в реальное эмоционально сложное воспоминание. Как будто он (ангел) там и в самом деле был. Мы разбились на пары и рассказали друг другу свои истории-симулякры. Удивительное дело, когда я выполнил предложенное, я обнаружил три странных момента: во-первых, ангел вписался так, как будто он там и был; во-вторых, отчетливо (в позитивную сторону) изменился аффективный фон; в-третьих, прежний вариант истории не восстановился – как будто ее измененный ангельским присутствием вариант оказался более «материальным». И вот теперь я думаю, сам ли образ ангела, в силу своей несомненной архетипичности (читай – мистической силы) смог так изменить ткань воспоминания, или же он там был всегда, а упражнение лишь проявило его (как это случается с фотографиями НЛО и паранормальных явлений). На волне очарованности этим опытом, я больше склоняюсь ко второму варианту...

В некотором смысле, тема скрытно присутствующей сущности получила продолжение в рамках воркшопа Станислава Раевского «От макро к микропроцессам в анализе». Одно из упражнений называлось «Как вы устроены». Мы разбились на тройки. Клиент-симулякр^[13] что-нибудь рассказывал о себе (например, как проходит его утро), в свою очередь, аналитик-симулякр на основе этой информации пытался найти метафору, которая отвечала бы на заглавный вопрос. В нашей тройке метафора об «самоустройстве» свелась к формулировке идентичности (Я - тот, который...). Было интересно ощущать, осознавать, видеть, как сквозь внешне разрозненный материал проступает невидимое присутствие, объединяющее элементы в парадоксальное целое. В принципе, это не новый опыт, но после теургии Хегая в ней обнаруживался какой-то особенный (мистический) смысл.

Апофеозом проявления «непроявленного» стало бесхитрое упражнение «Прими душу клиента». Аналитика завязывали глаза и просили протянуть руку, в которую клиент-симулякр клал «свою душу». Именно клал! «Душой» была субстанция типа «лизун», только более жидкая и холодная. Она плотно заполняла собой весь «ландшафт» ладони и будила разные мерзкие ассоциации. От аналитика-симулякра требовалось еще и рассказать историю этой души. Но это уже было явно лишнее! Это испытание толерантности притянуло так много внимания и энергии к ладони-контейнеру, что было не до рассказывания историй. После упражнения рука еще долгое время оставалась горячей.

В каком-то смысле несчастный «лизун» - это измученный постмодернистской культурой источник мистического опыта. Это уже не царевна-лягушка, вмещающая в себя магический макрокосм и способная притянуть к себе энергию ищущего сознания (стрелу Ивана-царевича). Теперь это только *поверхность*, не имеющая свойств контейнера и сама ищущая того, кто придаст бы ей форму. Таким образом, требования к современным Иванам-царевичам качественно возрастают, включая теперь не только оформленную маскулинность (сбалансированную прямую стрелу), но и не менее оформленную феминность (толерантную, без дыр, вместительную ладонь). Возможно тогда, Царевна-лягушка перестанет быть симулякром.

Такие вот впечатления от конференции. В этот раз «центр тяжести» или может быть «живости», на мой взгляд, был явным образом смещен от лекций приглашенной звезды к местным воркшопам и докладам. В целом, не смотря на некоторую противоречивость, «послевкусие» осталось самое хорошее.

^[1] На мой взгляд, это сильно «усекло», упростило видение Юнга. И еще запутало. Могу отметить три таких момента (хотя можно было выделить и больше). Во-первых, и это основное, из понятия коллективного бессознательного исчезли расовые, этнические, родовые аспекты. Теперь оно сведено к общим для всего человечества физическим и пространственным метафорам, также, если я правильно понял, к образам природных стихий – воздуху, воде, огню. Это такое политкорректное уплощение (нет рас и народов), которое расходится с практикой.

Во-вторых, снова всплыл совершенно неважный лично для меня вопрос о том, где локализованы архетипы в головном мозге. Какая для практики разница, «живут» ли архетипы в «стволе и лимбической системе» или же в «теменных долях правого полушария»? Кроме того, в юнговских построениях «источником» архетипов является Самость, которая содержит в себе всю полноту – и психическое, и телесное («точка» и «окружность»). А мозг (даже самый развитый и продвинутый) только часть тела и вместилищем Самости быть не может.

Наконец, «усекновение» Юнга привело к непонятной своим смыслом, затянутой по времени дискуссии о том, является ли мистический опыт чем-то низшим (инфантильным, первобытным) или высшим (духовным, связанным с развитием). Было много ссылок на авторитетных авторов и, в конце концов, Хант пришел к уже известному нам выводу. Мы ведь помним о двойственной природе архетипа (спектральная модель) и мистический опыт может проявлять себя во всем спектре.

Я выношу свое недовольство в сноску, чтобы не засорять им основной текст, поскольку у Гарри Ханта было много ярких и интересных идей.

^[2] Блейхер В.М., Крук И. В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: НПО «Модек», 1995. С. 514.

^[3] Тем не менее, материнское «отзеркаливание» возбуждения младенца рассматривается как начало синестезии.

^[4] Относительно синестезии как навыка в лекциях Гарри Ханта содержались различные намеки на стадийность (фазовость), но я не смог увязать их в систему.

^[5] Хант ссылается на работы Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, посвященные теории зрительно-пространственной метафоры. См. об этом: Хант Г. О природе сознания. М.: АСТ, 2004. С. 278-282.

^[6] Хант вслед за Юнгом и Леви-Строссом не рассматривает родоплеменную организацию как нечто «примитивное» и отжившее свое. Наоборот, это развитая, хоть и отличная от западной, культура, ресурсы которой практически утрачены нашей цивилизацией.

^[7] Когда мы собираем ассоциативный контекст к образам сновидения, мы тоже строим в своем роде «решетку»: в ее центре образ, от которого расходятся радиальные ассоциации.

^[8] В качестве примера такого взаимодействия, доступного современному человеку, Гарри Хант приводит своего рода «инструкции» одного канадского шамана: «Если у вас есть проблема, которую вы не можете разрешить привычными средствами, задайте вслух вопрос типа: что поможет мне справиться с моим затруднением? Затем нужно «забыть» вопрос и пойти в лес. В лесу следует бесцельно гулять, пока какая-нибудь часть ландшафта не привлечет ваш интерес (например, свет на воде, полет птицы и прочее). Затем мы «вспоминаем» вопрос и спрашиваем себя: как то, что я вижу, отражает мою проблему?» Ответ не будет представлен в рациональном формате, но скорее как озарение или инсайт, подразумевающие целостное видение проблемы.

^[9] Хант Г. О природе сознания. М.: АСТ, 2004. С. 255-256.

^[10] Нижеследующий текст больше моя реконструкция некоторых моментов динамики «мистического опыта», с привлечением идей Гарри Ханта. Моя попытка обусловлена стремлением упорядочить для себя обильный материал его лекций.

^[11] Гарри Хант уделил много времени метафоре «зеркала», активно и много цитируя Кохута, Винникотта и Биона.

^[12] «Здравый смысл» как термин не подразумевает узко рационального или бытового значения и скорее характеризует способность психического опыта к самоорганизации и самосознанию, проистекающей из родоплеменной психики. Любопытная этимология: здравый смысл – *sensus communis* (лат) – буквально: «общественный ум». В качестве объяснительной модели появления «здравого смысла» Гарри Хант использовал идеи раннего Биона, называя альфа-функцию «главным инструментом кроссmodalной интеграции», благодаря которому в мистическом опыте и «проступает» самоосознанность.

^[13] Да! Мне понравилось это слово!